

233. Применение Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Катар против Объединенных Арабских Эмиратов) [временные меры]

Постановление от 14 июня 2019 года

Международный Суд 14 июня 2019 года вынес постановление в отношении просьбы об указании временных мер, представленной Объединенными Арабскими Эмиратами в деле *Применение Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Катар против Объединенных Арабских Эмиратов)*. В своем постановлении Суд отклонил просьбу об указании временных мер.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судьи *ad hoc* Кот, Доде; Секретарь Куврёр.

*

* *

Суд начинает с напоминания о том, что 11 июня 2018 года Катар возбудил дело против Объединенных Арабских Эмиратов (далее «ОАЭ») в связи с предполагаемыми нарушениями Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года (далее «КЛРД» или «Конвенция»). Вместе с заявлением была подана просьба об указании временных мер. Постановлением от 23 июля 2018 года Суд указал ряд временных мер в отношении ОАЭ и предписал обеим сторонам воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование. В свою очередь ОАЭ 22 марта 2019 года подали в просьбу об указании временных мер с целью «обеспечить процессуальные права ОАЭ» и «не допустить дальнейшего усугубления или продления Катаром спора между сторонами до вынесения окончательного решения по этому делу».

I. Юрисдикция *prima facie* (nn. 15–16)

Суд отмечает, что он может указать временные меры лишь в том случае, если *prima facie* имеются основания для его юрисдикции, но ему не требуется окончательным образом удостовериться в том, что он компетентен рассматривать соответствующее дело по существу. Это так, независимо от того, какая из сторон в разбирательстве дела по существу — истец или ответчик — обращается с просьбой об указании временных мер. Суд напоминает, что в своем постановлении от 23 июля 2018 года об указании временных мер по настоящему делу он пришел к выводу о том, что «в соответствии со статьей 22 КЛРД он *prima facie* обладает юрисдикцией рассматривать это дело в той степени, в которой спор между сторонами касается «толкования или применения» упомянутой конвенции». В контексте рассмотрения настоящей просьбы Суд не видит оснований для пересмотра своего предыдущего вывода.

II. Временные меры, испрашиваемые ОАЭ (nn. 17–29)

Суд напоминает, что его полномочия по указанию временных мер в соответствии со статьей 41 Статута направлены на обеспечение соответствующих

прав сторон дела до вынесения решения по его существу. Следовательно, Суду надлежит позаботиться об обеспечении — посредством указания таких мер — тех прав, которые впоследствии им могут быть признаны принадлежащими той или иной стороне. В связи с этим Суд вправе может воспользоваться этим полномочием, только если он удостоверится в том, что заявление стороны, испрашивающей такие меры, о наличии у нее соответствующих прав по меньшей мере правдоподобно. Суд отмечает, что на данном этапе разбирательства от него не требуется окончательно определять, существуют ли права, о защите которых просят ОАЭ: ему необходимо лишь установить, можно ли считать правдоподобным наличие у ОАЭ заявляемых ими прав, защиты которых они добиваются, учитывая основания для наличия у Суда *prima facie* юрисдикции рассматривать настоящее дело. Таким образом, эти предположительно существующие права должны иметь достаточную связь с предметом разбирательства в Суде по существу дела.

Что касается первой из испрашиваемых временных мер — а именно, чтобы Суд предписал Катару незамедлительно отозвать свое сообщение, представленное Комитету по ликвидации расовой дискриминации (далее «Комитет КЛРД»), и принял все необходимые меры для прекращения его рассмотрения Комитетом, — то Суд считает, что эта мера касается не какого-либо вероятно существующего права по КЛРД, а толкования положения статьи 22 КЛРД о разрешении споров и допустимости проведения разбирательства в Комитете КЛРД в период, когда тот же вопрос находится на рассмотрении Суда. Суд уже исследовал этот вопрос в своем постановлении от 23 июля 2018 года, в котором он отметил:

«Хотя стороны расходятся во мнениях относительно того, являются ли переговоры или использование процедур, упомянутые в статье 22 КЛРД, альтернативными или кумулятивными предварительными условиями, которые должны быть выполнены, прежде чем дело может быть передано в Суд, на нынешнем этапе разбирательства Суд не считает необходимым выносить решение по этому вопросу. ...Также для целей рассмотрения настоящего вопроса Суд не считает необходимым устанавливать применимость в данной ситуации принципа *electa una via* или исключения *lis pendens*».

Суд не видит оснований для отхода от этих позиций на нынешнем этапе разбирательства по данному делу.

Что касается второй испрашиваемой меры, а именно чтобы «Катар незамедлительно отказался и воздерживался от воспрепятствования усилиям ОАЭ по оказанию помощи катарским гражданам, в том числе путем разблокирования на своей территории доступа к веб-сайту, с помощью которого катарские граждане могут обращаться за разрешением на возвращение в ОАЭ», то Суд считает, что в данном случае речь идет о препятствиях, предположительно создаваемых Катаром для осуществления ОАЭ временных мер, указанных в постановлении от 23 июля 2018 года. Это не связано с правами ОАЭ по КЛРД, которые должны быть обеспечены до вынесения Судом окончательного решения по делу. Как Суд уже заявлял, «оценку соблюдения временных мер Суду будет уместно дать при вынесении решения по существу дела».

Поскольку первые две из испрашиваемых временных мер не связаны с обеспечением прав, которыми ОАЭ, возможно, обладают по КЛРД, до вынесения окончательного решения по делу, Суд считает, что ему нет необходимости исследовать вопрос о наличии других условий, необходимых для указания временных мер.

Третья и четвертая из испрашиваемых ОАЭ временных мер касаются недопущения дальнейшего усугубления спора. В этой связи Суд напоминает, что меры, направленные на предотвращение усугубления или продления спора,

могут быть указаны только в дополнение к конкретным мерам по защите прав сторон. При рассмотрении настоящей просьбы Суд не установил, что условия для указания конкретных временных мер выполнены, и в силу этого он не может указать меры исключительно для целей недопущения усугубления спора. Суд напоминает далее, что в своем постановлении от 23 июля 2018 года он уже предписывал сторонам «воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование», и эта мера остается обязательной для сторон.

III. Заключение (пп. 30–31)

На основе вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что условия для указания временных мер, предусмотренные статьей 41 его Статута, не выполнены. Он напоминает также, что его решение ни в коей мере не предопределяет решение вопроса о юрисдикции Суда в отношении рассмотрения существа данного дела или любых вопросов, касающихся приемлемости искового заявления, или любых иных вопросов, которые подлежат рассмотрению в рамках разбирательства по существу дела. Оно не затрагивает права правительств Катара и ОАЭ представлять свои доводы по этим вопросам.

Постановляющая часть (п. 32)

Полный текст последнего пункта постановления гласит:

«По этим причинам

Суд

пятнадцатью голосами против одного

отклоняет просьбу об указании временных мер, представленную Объединенными Арабскими Эмиратами 22 марта 2019 года.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛ ПРОТИВ: судья *ad hoc* Кот».

*

Вице-председатель Сюэ приобщает к постановлению Суда заявление; судьи Томка, Гая и Геворгян приобщают к постановлению Суда совместное заявление; судьи Абраам и Кансаду Триндади приобщают к постановлению Суда отдельные мнения; судья Салам приобщает к постановлению Суда заявление; судья *ad hoc* Кот приобщает к постановлению Суда особое мнение.

*

* *

Заявление Вице-председателя Сюэ

Вице-председатель Сюэ голосовала за решение Суда отклонить просьбу ОАЭ об указании временных мер, но не разделяет некоторые из его доводов, послуживших основанием для отклонения Судом третьей и четвертой мер, испрашивавшихся ОАЭ.

Вице-председатель Сюз считает, что третья и четвертая меры, каждая из которых характеризуется как связанная с недопущением усугубления спора, в достаточной мере обеспечены постановлением Суда от 23 июля 2018 года, в котором сторонам было предписано «воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование» (*Применение Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Катар против Объединенных Арабских Эмиратов), временные меры, постановление от 23 июля 2018 года*, I.C.J. Reports 2018 (II), p. 434, para. 79 (2)). Таким образом, третья и четвертая меры, испрашиваемые ОАЭ, являются избыточными и могут быть отклонены на этом основании.

Суд, однако, исходит из того, что меры, направленные на недопущение усугубления спора, *могут быть указаны лишь в качестве дополнения к конкретным мерам*, направленным на защиту прав сторон. В данном случае, поскольку Суд отказался указать какие-либо конкретные меры, он заключает, что он не может указать третью и четвертую меры, испрашиваемые ОАЭ, которые касаются исключительно недопущения усугубления спора. Вице-председатель Сюз считает, что ограничение права Суда указывать временные меры таким дополнительным условием может ненадлежащим образом сузить полномочия Суда по статье 41 Статута и статье 75 Регламента Суда.

Временные меры, применяемые почти во всех правовых системах, призваны обеспечивать надлежащее отправление правосудия и эффективное урегулирование споров. Но на международном уровне такие меры имеют еще один аспект. Как главный судебный орган Организации Объединенных Наций Суд уполномочен разрешать споры между государствами в соответствии с международным правом, и тем самым он способствует поддержанию международного мира и безопасности. Как Суд отметил в своем постановлении о временных мерах по делу *Пограничный спор (Буркина-Фасо/Мали)*, могут иметь место инциденты, которые не только усугубляют или продлевают спор, но и включают применение силы, что несовместимо с принципом мирного урегулирования споров. В таких ситуациях Суд не только вправе, но и обязан указывать такие временные меры, которые могли бы способствовать надлежащему отправлению правосудия.

В практике Суда не так уж редки случаи, когда по делам, связанным с применением силы или серьезными нарушениями прав человека и международного гуманитарного права, испрашивается временная мера по недопущению усугубления спора или когда такая мера рассматривается в качестве основной меры, которую требуется принять в свете сложившихся обстоятельств. Кроме того, вопросы о том, может ли временная мера, направленная на предупреждение усугубления спора, быть указана сама по себе и следует ли Суду осуществлять свое право указывать такую меру по собственной инициативе, являются предметом давнего спора между судьями Суда, о чем свидетельствует большое число особых и отдельных мнений по этим вопросам.

Примечательно, что со времени рассмотрения дела *Целлюлозные заводы* Суд последовательно рассматривает меры, направленные на предупреждение усугубления спора, в качестве дополнительных к мерам, направленным на обеспечение конкретных прав. Именно с учетом такого развития судебной практики настоящее постановление призвано внести дополнительную ясность в этот вопрос. Поступая таким образом, Суд, по мнению Вице-председателя Сюз, заходит слишком далеко, и в будущем он может оказаться в ситуации, когда в случаях, требующих активного реагирования, у него будут связаны руки.

Совместное заявление судей Томки, Гаи и Геворгяна

Судьи Томка, Гая и Геворгян вместе с большинством проголосовали за отклонение просьбы ответчика об указании временных мер, но не согласны с содержащимся в постановлении заявлением относительно юрисдикции *prima facie*. Ссылаясь на свое предыдущее совместное заявление касательно просьбы об указании временных мер, представленной заявителем, они продолжают считать, что настоящий спор не подпадает под действие Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее «КЛРД») и Суд не обладает *prima facie* юрисдикцией.

Они считают, что такой же вывод следует делать при рассмотрении Судом последующих просьб об указании временных мер, подаваемых по тому же делу, независимо от того, кто ее подает — заявитель или ответчик.

Соответственно, настоящая просьба об указании временных мер должна быть отклонена. Кроме того, они считают, что Суду следовало бы полностью исследовать вопрос о том, вытекают ли права, о которых заявляет ответчик, из КЛРД.

Отдельное мнение судьи Абраама

В своем отдельном мнении судья Абраам излагает свои сомнения в отношении, во-первых, рассмотрения Судом вопроса о юрисдикции *prima facie* и, во-вторых, причин, по которым Суд отказался указывать первые две временные меры, испрошенные Объединенными Арабскими Эмиратами.

По первому вопросу судья Абраам считает, что в данном случае Суду не требовалось рассматривать вопрос о юрисдикции *prima facie*, поскольку он установил, что другие условия, необходимые для указания временных мер, выполнены не были. Судья Абраам напоминает, что не следует путать юрисдикцию Суда в отношении рассмотрения просьбы об указании временных мер, которая вытекает из статьи 41 его Статута, и его юрисдикцию в отношении рассмотрения дела по существу, правооснование для которой заявлено в основном иске. Судья Абраам отмечает, что, поскольку юрисдикция *prima facie* рассматривать основной иск является одним из кумулятивных условий, которые должны быть выполнены для того, чтобы Суд мог *указать* временные меры, для вывода о том, что просьба должна быть отклонена, достаточно невыполнения одного из этих условий, что освобождает Суд от необходимости выносить решение по другим. Кроме того, судья Абраам считает достойным сожаления, что в своей аргументации по этому вопросу Суд не дает достаточно ясно понять, что в данном случае у Суда не было иного выбора, кроме как признать наличие у него юрисдикции *prima facie*, как это было сделано им в его постановлении по просьбам, поданным по тому же делу Катаром, поскольку Суд обязан обеспечивать равное отношение к сторонам.

Что касается оснований для отклонения первых двух из испрошенных мер, то судья Абраам считает, что Суд, как представляется, руководствовался слишком ограничительным определением цели указания временных мер, заявив, что указаны могут быть только те меры, которые направлены на обеспечение материальных прав сторон по юридическому документу, составляющему основание для его юрисдикции рассматривать данное дело по существу. Тем самым Суд, по мнению судьи Абраама, как представляется, необоснованно исключает возможность указания мер, направленных на защиту процессуальных прав сторон. По мнению судьи Абраама, просьбу об указании первых двух из испрошенных мер следовало отклонить не потому, что, как установил Суд, они не были направлены на защиту каких-либо вероятно имеющихся у Объединенных Арабских Эмиратов прав по КЛРД, а потому, что угроза причинения непоправимого ущерба

процессуальным правам, являющимся предметом рассмотрения в данном случае, отсутствует.

Отдельное мнение судьи Кансаду Триндади

1. Свое отдельное мнение, состоящее из девяти частей, судья Кансаду Триндади начинает с указания на то, что представление настоящей просьбы нарушило ход разбирательства в Международном Суде (МС) данного дела *Применение КЛРД (Катар против Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ))*; с его точки зрения, необходимо постоянно помнить о важности временных мер защиты, которые были указаны в предыдущем постановлении МС от 23.07.2018 г. и которые остаются в силе и должны соблюдаться.

2. На его взгляд, цель заключается в том, чтобы обеспечить, чтобы гарантии права человека по КЛРД продолжали соблюдаться. В настоящей просьбе о таких правах речи не идет. Судья Кансаду Триндади добавляет, что, ввиду большого значения, придаваемого им рядом смежных вопросов в *cas d'espece*, которые, по его мнению, лежат в основе решения, принятого сегодня МС, но не были затронуты в его мотивировочной части, он считает необходимым занести в протокол настоящее отдельное мнение с изложением этих вопросов и оснований своей личной позиции по ним.

3. Эти вопросы следующие: а) временные меры защиты, уже предписанные с целью обеспечить соблюдение некоторых прав человека, гарантированных КЛРД; б) проблема отсутствия отсылки к ним в настоящей просьбе; с) проблема непоследовательности содержащихся в ней доводов касательно КЛРД и Комитета по КЛРД; d) значимость и сохранение в силе временных мер защиты лиц, находящихся в длящихся ситуациях уязвимости; e) давно сложившееся понимание важности основополагающего принципа равенства и недискриминации; и f) обобщение ключевых моментов, которые он подтверждает в настоящем отдельном мнении.

4. Прежде всего судья напоминает, что временные меры защиты, уже предписанные МС в его постановлении от 23.07.2018 г. в целях обеспечения защиты прав, охраняемых статьями 2, 4, 5, 6 и 7 КЛРД, продолжают действовать. Об этом в надлежащем порядке просил Катар, что было признано в постановлении МС от 23.07.2018 г. В последовавшей за этим просьбе ОАЭ, напротив, ссылки на права, охраняемые статьями 2, 4, 5, 6 и 7 КЛРД, отсутствуют; вместо этого в ней просто утверждается, что имело место нарушение положения КЛРД о порядке разрешения споров (статья 22).

5. Далее судья Кансаду Триндади отмечает, что в настоящей просьбе ОАЭ не устанавливается наличие связи между правами по КЛРД, защита которых испрашивается в *cas d'espece*, и временными мерами, испрашиваемыми ОАЭ. Кроме того, добавляет судья Кансаду Триндади, в доводах, содержащихся в настоящей просьбе об указании временных мер, обнаруживаются определенные несоответствия, которые касаются подлежащих защите прав (по КЛРД), а также разбирательства в Комитете по КЛРД (п. 11).

6. Что касается КЛРД, то представляется непоследовательным просить МС, как это делают ОАЭ, указать временные меры путем расширения юрисдикции Суда *prima facie* и в то же время возражать против его юрисдикции *ratione materiae* (п. 12). Кроме того, отсутствие в настоящей просьбе упоминания гарантий прав человека, предусмотренных КЛРД, как представляется, выводит ее за рамки сферы действия КЛРД.

7. ОАЭ противоречат сами себе, утверждая, с одной стороны, что Катар должен был сперва исчерпать все процессуальные возможности в рамках Комитета

по КЛРД и только потом обращаться в МС, а с другой стороны, что МС следует предписать Катару отозвать свое представление в Комитет по КЛРД и принять меры для прекращения его рассмотрения (пп. 14–15). Таким образом, ОАЭ выдвигают противоречивые доводы как в отношении просьбы Катара об указании временных мер, поданной 2018 году, так и своей собственной настоящей просьбы 2019 года. МС пояснил, что в данном случае нет необходимости рассматривать вопрос об *electa una via* или *lis pendens* (пп. 16–18).

8. Затем судья Кансаду Триндади обращается к вопросу о значимости и сохранении в силе в рамках *cas d'espèce* временных мер защиты в *длящихся ситуациях* (часть V), ссылаясь на соображения, представленные им ранее МС по этому поводу, например в своем предыдущем отдельном мнении по настоящему делу *Применение КЛРД (Катар против ОАЭ)* (постановление от 23.07.2018 г.); в своем особом мнении по делу *Обязательство осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)* (постановление от 28.05.2009 г.); в своем последующем отдельном мнении по тому же делу *Обязательство осуществлять судебное преследование или выдавать* (решение от 20.07.2012 г.); в своих особых мнениях по делу *Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии)* (постановление от 6.07.2010 г. и решение от 03.02.2012 г.); в своих отдельных мнениях по делу *А.С. Диалло (Гвинея против Д.Р. Конго)* (решения от 30.11.2010 г. и от 19.06.2012 г.); в своем особом мнении по делу *Применение Конвенции против геноцида (Хорватия против Сербии)* (решение от 03.02.2015 г.) (пп. 19–25).

9. Далее судья Кансаду Триндади ссылается на некоторые из своих собственных соображений, которые он развивает в своих вышеупомянутых особых и отдельных мнениях, включая его размышления о том, что:

«вопрос о *длящейся ситуации*, затрагивающей права человека или нарушающей их, поднимался на различных стадиях разбирательств в МС, а именно, в контексте производства по просьбам об указании временных мер (как, например, в настоящем деле *Применение КЛРД* — уже дважды), а также при рассмотрении встречных требований, существа дела и вопроса о возмещении ущерба» (п. 26).

10. Судья Кансаду Триндади переходит к еще одному относящемуся к делу аспекту, а именно: «*Длящаяся ситуация*, затрагивающая права человека по КЛРД, — как было надлежащим образом подчеркнуто Катаром в его собственной просьбе, по которой МС вынес постановление от 23.07.2018 г., — приводит к *длящейся уязвимости* виктимизируемых людей или потенциальных жертв. В КЛРД и других международных договорах по правам человека в центре внимания находятся затрагиваемые люди, а не их государства и не сугубо межгосударственные отношения. (...)

11. Отсюда — временные меры защиты, которые были предписаны МС в постановлении от 23.07.2018 г. и которые остаются в силе, с тем чтобы гарантировать некоторые из прав, охраняемых по КЛРД. В отличие от предыдущей просьбы, поданной Катаром, в рассматриваемой просьбе ОАЭ об этих правах речи не идет. Вопрос об уязвимости человека заслуживает внимания обеих спорящих сторон в ходе настоящего разбирательства, но при этом фактические обстоятельства, на которые ссылаются ОАЭ и Катар, различаются.

12. Катар продолжает ссылаться на защиту прав по КЛРД. Что же касается ОАЭ, то в их позиции не прослеживается связь между такой уязвимостью и правами, охраняемыми КЛРД. Соответственно, МС не может рассматривать настоящую просьбу ОАЭ так же, как он рассматривал предыдущую просьбу Катара. Этим объясняется вынесение Судом разных решений по ним. Важно то, что временные меры защиты, указанные в постановлении МС от 23.07.2018 г., остаются

в силе в целях обеспечения защиты некоторых прав человека, гарантированных КЛРД (в статьях 2, 4, 5, 6 и 7)» (пп. 27 и 29–30).

13. Затем судья Кансаду Триндади переходит к вопросу о давно признанной важности основополагающего принципа равенства и недискриминации (часть VII), которому, отмечает он, «было уделено гораздо больше внимания в ходе разбирательства, связанного с предыдущим постановлением МС (от 23.07.2018 года, в связи с просьбой Катара), нежели в ходе нынешнего разбирательства (по просьбе ОАЭ)» (п. 32). Далее он указывает на то, что Комитет по КЛРД в своей практике уделяет особое внимание запрещению дискриминационных мер в отношении членов уязвимых групп (например, мигрантов).

14. Это можно сказать и о практике других комитетов, учрежденных на основании конвенций ООН по правам человека (например, Комитета по правам человека, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДОЖ) или Комитета против пыток (КПП)). Он напоминает далее, что, разбирая дела, касающиеся защиты прав человека, МС уделяет особое внимание работе и решениям таких комитетов ООН (пп. 33–34).

15. Судья Кансаду Триндади добавляет, что «идея равенства людей, лежащая в основе концепции единства человеческого рода, зримо присутствует в праве народов начиная с его исторических истоков права вплоть до настоящего времени» (п. 36). И он продолжает:

«В последние годы принцип равенства и недискриминации и запрещение произвола также зримо присутствуют в международном прецедентном праве, включая прецедентное право МС (как я уже отмечал, например, в моем отдельном мнении по решениям МС по делу *А.С. Диалло*, существо дела, 2010 год, и возмещение ущерба, 2012 год [*Гвинея против Д.Р. Конго*]; в моем отдельном мнении по консультативному заключению МС *О провозглашении независимости Косово* 2010 года; в моем особом мнении по делу *О применении КЛРД*, 2011 год [*Грузия против Российской Федерации*]; в моем отдельном мнении по консультативному заключению МС *Относительно решения Административного трибунала МОТ по жалобе, поданной против МФСР*, 2012 год; в моем особом мнении по делу *О применении Конвенции против геноцида*, 2015 год [*Хорватия против Сербии*]; в моих трех особых мнениях по трем делам *Обязательства, касающиеся переговоров, связанных с прекращением гонки ядерных вооружений и ядерным разоружением*, 2016 год [*Маршалловы Острова против Соединенного Королевства, Индии и Пакистана*]; и в моем отдельном мнении по совсем недавно вынесенному МС консультативному заключению *Относительно правовых последствий отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году* от 25.02.2019 г.» (п. 37).

16. Судья напоминает также, что этот вопрос был надлежащим образом рассмотрен в предыдущем постановлении МС от 23.07.2018 г. по настоящему делу *Применение КЛРД*, которому он уделил много внимания в своем отдельном мнении, приобщенном к тому постановлению, и в котором он указал, в частности, что это «один из тех редких примеров, когда международное прецедентное право опережает в своем развитии международно-правовую доктрину, которой следовало бы уделять ему более пристальное внимание» (п. 38).

17. В настоящем деле *Применение КЛРД*, отмечает судья Кансаду Триндади, МС по просьбе Катара указал временные меры защиты в отношении некоторых прав, закрепленных в КЛРД, но отсутствие в настоящей просьбе ОАЭ упоминания прав, охраняемых КЛРД, не позволило МС сделать то же самое. И затем он добавляет:

«отклонив эту просьбу, МС мог бы более четко дать понять, что уже предписанные им временные меры (23.07.2018 г.) остаются в силе и должны выполняться спорящими сторонами во благо людей, пользующихся защитой на основании соответствующих положений КЛРД» (п. 39).

18. В свете базового принципа равенства и недискриминации права, защищаемые КЛРД, «носят основополагающий характер со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями»; судья Кансаду Триндади считает

«досадным тот факт, что в мотивировочной части настоящего постановления МС вновь неоднократно заявляет, что он рассматривает эти права как «вероятно существующие» (пп. 17, 21, 24, 25 и 26). Основополагающие права, охраняемые КЛРД, не могут рассматриваться или квалифицироваться как «вероятно существующие» или «неправдоподобные»: они являются основополагающими правами» (п. 40).

19. Это согласуется с позицией, которую он уже давно отстаивает в МС, о чем свидетельствуют такие совсем недавние примеры, как его отдельное мнение по делу *Джадхав (Индия против Пакистана)* (постановление от 18.05.2017 г.); его отдельное мнение по делу *Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации)* (постановление от 19.04.2017 г.); его отдельное мнение по настоящему делу *Применение КЛРД* (постановление от 23.07.2018 г.) (пп. 41–43). И судья Кансаду Триндади добавляет, что

«Фактически длящаяся уязвимость человека постоянно присутствует в человеческой истории, привлекая внимание к необходимости защиты уязвимых лиц и групп. Осознание уязвимости человека можно четко проследить, например, в древнегреческих трагедиях, которые остаются столь современными в наши дни. (...) В XXI веке уязвимость человека сохраняется и, кажется, становится еще острее» (п. 44).

20. В заключительной части настоящего отдельного мнения (часть IX) судья Кансаду Триндади поясняет, что в этом последнем из трех недавних дел о применении КЛРД на рассмотрении МС права, охраняемые этой конвенцией, — это права человека, а не права государств.

21. Отклоненная сегодня просьба ОАЭ об указании временных мер не содержит отсылки к правам человека, защищаемым КЛРД. Такие права уже гарантированы посредством временных мер защиты (испрошенных Катаром), которые уже были указаны МС в *cas d'espece* — в его предыдущем постановлении от 23.07.2018 г. — и которые остаются в силе. Справедливо отклонив настоящую просьбу, Суд в данном постановлении (пп. 16–18, 25–26 и 29) сослался на свое предыдущее постановление от 23.07.2018 г. Тем не менее, считает судья Кансаду Триндади, МС

«мог бы пойти дальше, прямо указав на сохранение в силе ранее предписанных им временных мер защиты и необходимость их надлежащего соблюдения, учитывая важность прав человека, гарантированных КЛРД» (п. 46).

22. В подтверждение своей гуманистической позиции судья Кансаду Триндади переходит к краткому обзору основных моментов, изложенных им в настоящем отдельном мнении, и оснований его собственной позиции в отношении временных мер защиты в контексте международных договоров по правам человека, таких как КЛРД. Он особо отмечает важность существования в *cas d'espece длящейся ситуации*, затрагивающей некоторые права человека по КЛРД, что выдвигает на первый план *длящуюся уязвимость* затрагиваемых людей, или

потенциальных жертв, и указывает на актуальность временных мер защиты, действующих со времени вынесения МС его постановления от 23.07.2018 г.

23. В заключение он отмечает, что особого внимания требует основополагающий принцип равенства и недискриминации, а также запрещение произвола, лежащие в основе самой Конвенции. Он вновь заявляет, что такое внимание «уже присутствует на нормативном уровне и в судебной практике, но данный вопрос по-прежнему недостаточно изучен в международно-правовой доктрине, которой следует более внимательно и усердно заняться этой темой» (п. 50). Временные меры защиты, указанные в постановлении МС от 23.07.2018 года, повторяет он, «остаются в силе и должны надлежащим образом соблюдаться» (п. 50).

Заявление судьи Салама

Судья Салам голосовал в поддержку постановляющей части настоящего постановления об отклонении просьбы об указании временных мер, что согласуется с позицией, изложенной в его особом мнении, которое он приобщил к постановлению Суда от 23 июля 2018 года об указании временных мер по данному делу и в котором он выразил мнение, что Суд не обладает юрисдикцией рассматривать это дело. Однако он согласен с Судом в том, что сторонам особенно необходимо не допустить усугубления нынешнего спора.

Особое мнение судьи ad hoc Кота

1. Судья ad hoc Кот проголосовал против принятия постановляющей части постановления. По его мнению, Суду следовало поддержать по крайней мере первую временную меру, испрошенную Объединенными Арабскими Эмиратами.

2. Судья ad hoc Кот считает, что в свете доктрины *lis pendens* заявленные Объединенными Арабскими Эмиратами процессуальные права можно рассматривать, по меньшей мере, как вероятно существующие в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее «КЛРД»). По его мнению, положения КЛРД, в частности статья 22, допускают применение *lis pendens*. Он также считает, что следует применять адаптивный подход к доктрине *lis pendens*, с тем чтобы ее можно было также применять к ситуациям параллельного рассмотрения одного и того же вопроса судебными и квазисудебными органами. По мнению судьи ad hoc Кота, такой подход особенно важен при толковании таких договорных положений, как статья 22 КЛРД, которая предусматривает несколько способов урегулирования споров, но не дает достаточно четкого понимания того, как они соотносятся между собой.

3. Судья ad hoc Кот полагает, что одно из возможных толкований статьи 22 КЛРД заключается в том, до передачи дела в Суд должны быть исчерпаны все возможности для урегулирования спора в рамках механизма, предусмотренного Конвенцией. По его мнению, если договор предусматривает несколько методов урегулирования споров, которые должны применяться в определенном порядке, то стороны в споре касательно этого договора имеют процессуальное право ожидать, что этот порядок будет соблюдаться. По мнению судьи ad hoc Кота, из этого следует, что в соответствии со статьей 22 стороны в споре о КЛРД вправе ожидать, что спор не может рассматриваться в Суде и в Комитете по ликвидации расовой дискриминации одновременно. Он указывает, что вынесенное сегодня Судом постановление не исключает того, что такое толкование статьи 22 является, по меньшей мере, допустимым.

4. Что касается меры, которую предлагалось указать в связи с ситуацией *lis pendens* в данном деле, то судья ad hoc Кот считает, что немедленный отзыв Катаром своего сообщения Комитету по ликвидации расовой дискриминации не

является единственным способом урегулирования этой ситуации. По его мнению, если бы мера, испрашенная Объединенными Арабскими Эмиратами, могла бы иметь несоразмерные последствия для Катара, Суд мог бы вынести постановление о приостановлении производства в Комитете по ликвидации расовой дискриминации, предписав Катару принять все доступные ему меры с тем, чтобы разбирательство в Комитете было приостановлено до вынесения окончательного решения по данному делу. В качестве альтернативы Суд мог бы, по мнению судьи *ad hoc* Кота, воспользоваться своим правом по статье 75 (пункт 1) Регламента Суда и, например, заключить, что ему следует приостановить разбирательство по данному делу до тех пор, пока Комитет по ликвидации расовой дискриминации не представит свои заключительные замечания по сообщению Катара.
